

А. И. ФЕДУТА

«ГУМАННЫЙ ВНУК ВОИНСТВЕННОГО ДЕДА»
(А. А. Суворов-Рымникский в русской поэзии)

Стихотворение Ф. И. Тютчева «Его светлости князю А. А. Суворову» достаточно хорошо известно, как известно и событие, послужившее поводом для его создания. Тютчев сам рассказал об этом в письме супруге и дочери (13 ноября 1863 г.): «Тебе (М. Ф. Тютчевой. — А. Ф.) известно, что *ко дню Михаила Архангела* мы послали Муравьеву серебряно-вызолоченный горельеф с изображением его небесного покровителя — в сопровождении адреса, подписанного 80 именами, в числе коих Блудовы, графиня Протасова, ее сестра Долгорукая и т. д., словом, именами высокочтимыми. А надобно тебе знать, что князь Суворов, человек, конечно, добрейший, но нелепый, давно провозгласил себя ярким противником Муравьева и не упускает случая побраниться. Поэтому он не преминул заявить, что рвет всяческие сношения с людьми, которые имели *низость* подписать названную бумагу. За ним, правда, признано право на подобные глупости. Но поскольку на сей раз затронут общественный порыв неоспоримой важности, глупость не сошла ему с рук — и он удостоился стихов, которые сейчас перед тобой» [Тютчев 2004, 6: 62–63]¹.

Тютчев сам признает: поводом для появления стихов стал «общественный порыв неоспоримой важности» («un intérêt public d'une incontestable gravité»), поэтому следует понять, в чем суть этого порыва.

Вручение горельефа с изображением было приурочено к именинам виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева (8 ноября 1863 г.). Праздновались именины торжественно: «Отовсюду, — вспоминает военный министр Д. А. Милютин, — полетели в Вильну поздравительные телеграммы; утром на прием к имениннику съехалось огромное число служащих чинов, представителей разных сословий и местностей, духовенство всех исповеданий; депутаты подносили адреса и иконы. В самой Вильне собрана была по добровольной подписке значительная сумма на сооружение церкви во имя Архистратига Михаила: при поднесении Михаилу Николаевичу этого пожертвования, депутацией представлено было ему самому указать место для возведения этого храма. Наконец, прибывший из Петербурга камергер Шевич поднес Муравьеву икону св. Архистратига Михаила при коллективном письме от петербургского кружка почитателей

его» [Милютин 2003: 326–327]. Среди восьмидесяти подписавшихся, кроме подписи Милютина, есть и подпись Ф. И. Тютчева.

Примечательна и личность адресата этого коллективного послания. М. Н. Муравьев, в молодости сочувствовавший декабристам, впоследствии стал одним из самых жестких администраторов в царской России. Вот как пишет о нем далеко не беспристрастный, но весьма осведомленный современник — князь П. В. Долгоруков: «Муравьев явился рьяным защитником власти твердой, неограниченной, впрочем, гораздо более либерализма симпатичной его нраву злему и жестокому (...) Он после взятия Варшавы (в 1831 г. — *А. Ф.*) назначен был военным губернатором в Гродно, и тут его природная свирепость, подстрекаемая желанием угодить Николаю, превратила его в лютого тирана несчастных поляков. Только что приехав в Гродно, он узнал, что один из тамошних жителей спросил у одного из чиновников: „Наш новый губернатор родня ли моему бывшему знакомому, Сергею Муравьеву-Апостолу, который был повешен в 1826 году?“ Муравьев вскипел гневом (кажется, было не из-за чего) и воскликнул: „Скажите этому ляху, что я не из тех Муравьевых, которые были повешены, а из тех, которые вешают!“» [Долгоруков 1992: 317–318].

Курс, проводимый М. Н. Муравьевым в Литве, был обусловлен той миссией, которую поручил ему исполнять не любивший его император Александр II. Муравьеву было доверено усмирить восставшие литовские и белорусские земли, и он взялся за это так рьяно, как велело ему его собственное понимание служебного долга. «Генерал Муравьев не церемонился ни перед духовенством, ни перед помещиками, ни перед чиновным людом, ни даже перед женщинами; он сумел в короткое время восстановить авторитет русской власти и внушить страх тем, которые до того времени над ней насмехались (...) По мере того, как следственные комиссии разясняли всю подноготную польской смуты, суды постановляли свои приговоры: начался ряд казней и высылка из края массы людей неблагонадежных. Первые (...) казни двух ксендзов, 22 и 24 мая, произвели сильное впечатление на польское население, которое сначала не хотело верить, чтобы Муравьев решился в самом деле казнить духовное лицо» [Милютин 2003: 181]. Среди мер, принятых Муравьевым, следует также отметить официальный запрет всем, включая женщин, носить траур (за исключением тех, кто получил специальное разрешение от властей), решительную русификацию системы образования в подвластном ему крае, массовую конфискацию собственности подозреваемых в нелояльности землевладельцев, зачистку государственного аппарата от этнических поляков и белорусов, — что, разумеется, также не приносило ему дополнительных симпатий ни у большинства местной элиты, ни у петербургских либералов. Причем, по воспоминаниям другого совре-

менника, Муравьев испытывал даже внутреннее наслаждение, осуществляя свою миссию: «Если докладывавший дѣло пытался смягчить рѣшеніе, Муравьевъ „вырывалъ у него изъ рукъ бумагу и быстро подписывалъ. Слова: ‚повѣсить‘, ‚разстрѣлять‘ выходили у него всегда разборчивѣе другихъ, какъ будто писались съ особенною любовью“» [Семевский 1913: 241].

Правительство, в оппозиции к которому пребывал Муравьев, старалось сдерживать общественное мнение, тщательно подогревавшееся публицистами славянофильской ориентации. 30 января 1863 г. И. С. Аксаков, в недалеком будущем — зять Тютчева, откровенно жаловался А. Д. Блудовой, вероятно, в надежде, что его жалоба дойдет и до отца адресата письма: «Статью о Польше не пропустили ⟨...⟩ Чего же наконецъ хочет это несчастное правительство от литературы? Оно душит человека за горло и хочет, чтоб он пицал именно тем писком, который ему нравится и ему нужен ⟨...⟩ Для меня несравненно отвратительнее и омерзительнее всяких неистовств польскихъ действия самого русского правительства. Ксендзы, прибегающие к отраве, в тысячу раз нравственнее ваших Головниных, Валуевых, и всего Вашего петербургского правительства» [Аксаков 2001: 343].

Одним из лидеров либерального крыла в окружении императора и являлся генерал-губернатор Петербурга князь А. А. Суворов-Рымникский, внук легендарного генералиссимуса А. В. Суворова. У Суворова-внука были свои старые счеты с Муравьевым, посему было очевидно, что он откажется подписать приветственное письмо «усмирителю Литвы». Что он и сделал, причем в достаточно жесткой форме: «князь Суворов называл его ⟨Муравьева. — А. Ф.⟩ „людоедом“ (огге)» [Милютин 2003: 325] и «не велѣлъ принимать къ себѣ подписавшихся на устроеніе образа Михаила Архангела М. Н. Муравьеву» [Снегирев 1905: 503].

Суворов был далеко не одинок в своем негативном отношении к личности Муравьева. «Мы очень хорошо знаем, — писал эмигрант П. В. Долгоруков, — что возгласы, крики, вопли, адреса в честь Муравьева доказывают мнение лишь части публики, а не всей русской публики, потому что петербургское правительство, верное своей старинной системе обмана и лжи, действует наподобие отвратительного правительства бонапартовского, то есть разрешает и поощряет проявление тех мненьй, которые ему нравятся ⟨...⟩» [Долгоруков 1992: 341]. Долгоруков действительно очень хорошо знал, что писал: инициатором появления приветственного адреса были околоправительственные круги. Среди подписавшихся — председатель Комитета Министров граф Д. Н. Блудов, его дочь А. Д. Блудова и внук И. Е. Шевич (он и уполномочен был привезти адрес Муравьеву), военный министр Д. А. Милютин, а также — по воспоминаниям самого Милютина — «целый ряд имен семьи князей Мещерских, Карамзиных, генерал-адъютанта Н. В. Зи-

новьева, графа Вьельгорского, графини Протасовой, Дм<итрия> Ник<олае-
вича> Замятнина, А. А. Зелёного (министра государственных имуществ. —
А. Ф.), П. П. Мельникова, графа Гейдена, графа Муравьёва-Амурского,
Ф. И. Тютчева, генерала Хрулева и т. д.» [Милютин 2003: 327].

«Мысль этой манифестации принадлежала графине Антонине Дмитри-
евне Блудовой, которой удалось собрать до 80 подписей» [Милютин 2003:
327]. Другой участник — П. Н. Батюшков — приписывает инициативу
себе [РС 1883: 208]. Однако не вызывает сомнений, что собрать все под-
писи лиц столь известных при дворе и в России, можно было лишь в том
случае, если покровителем этой акции действительно было высшее должно-
стное лицо в чиновничьей вертикали, номинальный глава российского пра-
вительства граф Д. Н. Блудов. «Въ маленькомъ нервно-подвижномъ стар-
ичкѣ съ смѣющимся лицомъ и непрерывно играющими цѣпочкой руками
никто бы не призналъ единственнаго образованнаго и умственно значитель-
наго челоуѣка въ советѣ министровъ самодержца всея Руси (<...>» [ГМ 1917:
75–76]. Блудов, один из духовных воспитанников Н. М. Карамзина, член
«Арзамаса», фактический автор первых государственных документов цар-
ствования Николая I, в том числе и актов следственной комиссии по делу
декабристов, воплощал в себе преемственность между двумя самыми бле-
стящими эпохами XIX века — эпохой конституционных мечтаний
Александра I и эпохой великих реформ Александра II. Его мнение было ве-
сомом, к нему прислушивались все те, кто считал себя интеллектуальной эли-
той правящего класса России. Блудову доверялись и самые щекотливые
тайны правящей династии: «Материалы по „секретной“ истории XVIII в.
поручались Блудову; к нему адресовал Николай I своих сыновей, если счи-
тал, что им нужно знать „как было на самом деле“» [Долгих 2006: 20]. А
поскольку сам Дмитрий Николаевич был уже весьма стар (ему оставалось
жить менее трех лет), двигателем всего проекта, скорее всего, стала его не-
замужняя дочь, графиня Антонина Дмитриевна: «(<...> дочь не разграничи-
вала свои собственные взгляды и взгляды своего отца (<...>» [Долгих 2006:
42]. Однако влияние ее не сводилось к влиянию отца: Антонина Дмитриев-
на была самостоятельным игроком за политической шахматной доской.

Антонина Блудова обладала собственными убеждениями и собственной
позицией. Как свидетельствует ее подруга А. Ф. Тютчева, Блудова, «с
тех пор, как славянский вопрос вошел в моду в высшем свете, имеет вид
скромно торжествующей и счастливой матери, в любви и заботе воспиты-
вающей красотку-дочь» [Тютчева 1994: 109]². «Ея тонкій умъ и острый
язычокъ были такъ же хорошо извѣстны въ городѣ, какъ и ея фанатиче-
ское ханжество и восхищеніе идеями московскихъ панславистовъ школы
Погодина» [ГМ 1917: 76]. Искреннее славянофильство Блудовой сбли-

жало ее с группой Аксакова, женившегося на ее ближайшей подруге Анне Тютчевой, а через него — с «практическими деятелями», участвовавшими в подготовке освобождения крестьян. Акты 1861 г., ставшие главным событием в жизни ее отца, вместе с тем не были к 1863 г. распространены на всю территорию империи, в том числе — на Северо-Западный край³. Истото верующая православная христианка, Антонина Блудова считала своей миссией распространение реформ и превращение России в бесспорного лидера славянства, в державу-миссионера. Она вела широкую переписку с интеллектуалами Чехии, Болгарии, Сербии и стремилась использовать свое влияние на императрицу как для помощи этим славянским народам, покоренным иноплеменными империями, так и для усиления позиций славянофильства и православия внутри самой России.

А. А. Суворов и А. Д. Блудова странно противостояли друг другу. Будучи генерал-губернатором Прибалтики, Суворов покровительствовал народам Лифляндии и Эстляндии, способствовал развитию и сохранению их национальной идентичности. Он искренне пытался найти общий язык с местной элитой, предпочитая ненадежную лояльность надежной ненависти и страху. «Князь Суворов (...) в четырнадцатилетнее управление свое Остзейским краем выказал хорошие административные способности; хитер, но вместе с тем весьма честен (...) он одарен натурой симпатичной и замечательной отвагой; мы не говорим здесь о храбрости военной — кто не храбр из русских воинов, от фельдмаршалов до рядовых?» — нет, мы говорим о качестве, весьма редком в странах самодержавия: мы говорим о (...) мужестве гражданском и придворном!» [Долгоруков 1992: 339–340]. «В этом человеке странный контраст. В выражении его лица и во всей его манере держать себя есть что-то в высшей степени честное, открытое, рыцарственное и, тем не менее, в разговоре он проявляет самовлюбленность и тщеславие, совершенно не совместимые с натурой сколько-нибудь широкой» [Тютчева 2002: 251–252]. Став генерал-губернатором Санкт-Петербурга, он не подписал (что входило в его обязанности по должности) ни одного смертного приговора. Поэтому естественным было и то, что Суворов не смог переступить через собственные убеждения и подписать приветственный адрес человеку, приказывавшему расстреливать восставших священников.

Это могли списать на счет его чудачеств и забыть о поступке князя, если бы не два существенных обстоятельства. Первое — это, разумеется, фамилия Александра Аркадьевича, его прямое происхождение от самого знаменитого российского полководца. И второе — Михаил Муравьев заработал репутацию «людоеда» и «палача» там, где сам Александр Суворов-внук получил личную славу героя и заслужил стихи величайшего из русских поэтов: Александра Суворова воспел Александр Пушкин⁴.

Дело в том, что именно А. А. Суворова по личному настоянию императора Николая I командующий русской армией И. Ф. Паскевич направил с сообщением о взятии восставшей Варшавы в 1831 г. — за тридцать два года до того, как М. Н. Муравьев, вооружившись уже не только саблей и ружьем, но и виселицами, в третий раз за неполное столетие принес туда «мир». Энтузиазм русского общества в 1831 г. был искренним. А. О. Смирнова-Россет рассказывала, как «он (Николай I. — А. Ф.) был тронут, когда выехал навстречу Суворову, которого Паскевич послал курьером; когда Суворов, увидя его, закричал: „Варшава взята, все кончилось благополучно!“, государь вышел из коляски, стал на колени и молился, потом отвез Суворова в Китайский домик, где ожидала его беременная жена, и затем уже в Александровский дворец» [Смирнова-Россет 1989: 284]. В апокрифических «Записках» «черноокой Росетти» есть существенное добавление: «Пушкин сказал мне, что его соседка Ламберт уже раньше меня велела передать ему приятную новость. Оказывается, что ямщик, который вез Суворова, крича сообщал новость всем прохожим, когда приехал в Царское Село (...)» (цит. по [Беляев 1927: 284]). При этом все знали, что Суворов-внук не только имени деда был обязан честью стать вестником победы: «Суворов был два раза на переговорах и в опасности быть повешенным» [Пушкин 1978: 21]. Очевидно, что М. Н. Муравьев, бывший к моменту своего триумфа не ротмистром, а генералом, такой опасности не подвергался.

Именно Пушкин, адекватно «прочитавший» идеологическое значение выбора кандидата в «вестники победы», моделирует в финале стихотворения «Бородинская годовщина» общую поэтическую оценку взятия Варшавы Паскевичем:

Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу⁵
Младого внука своего.

[Пушкин 1948: 275]

Слава русского оружия сопутствует внуку так, как она сопутствовала Суворову-деду. «Певец Империи» Александр Пушкин создает поэтически и идеологически совершенный текст, соответствующий торжественности момента. С резкой критикой его стихотворения выступает, пожа-

луй, только П. А. Вяземский, особо обративший внимание и на коллизии с Суворовым: «Хорошо *Инвалиду* сближать эпохи и события в календарских своих калейдоскопах, но Пушкину и Жуковскому кажется бы и стыдно. Одна мысль в обоих стихотворениях показалась мне уместною и кстати. Это мадригал молодому Суворову. Нечего было Суворову вставать из гроба, чтобы благословить страдание Паскевича, которое милостию божиею и без того обойдется. В Паскевиче ничего нет Суворовского, а война наша с Польшею тоже вовсе не Суворовская, но хорошо было дедушке полюбоваться внуком» (цит. по [Беляев 1927: 294]).

Жуковский оказался в числе «обвиняемых» Вяземским далеко не случайно. Именно он в стихотворении «Русская слава» наиболее четко вписал взятие А. В. Суворовым Варшавы в число главных подвигов русского оружия:

Рымник, Чесма, Кагульский бой,
Орлы во граде Леонида,
Возобновленная Таврида,
День Измаила роковой,
И в Праге, кровью залитой,
Москвы отмщенная обида.

[Жуковский 2000: 285]

Потому закономерна и актуализация памяти о подвиге Суворова-деда: победителем для Жуковского оказывается не Паскевич и даже не Николай I, а тот, кто сорока годами ранее силой оружия впервые присоединил Польшу к России. Николай и Паскевич лишь продолжают его дело.

Параллель с Суворовым подчеркивалась всеми. В семье Блудовых бережно хранились письма Дмитрия Николаевича, в том числе его письма из Петербурга в Берлин, где находилась летом и осенью 1831 г. его супруга с детьми; в одном из них он писал: «(...) „Вчера, по утру, приѣхалъ ко мнѣ проститься графъ Сергѣй Строгоновъ и сказывалъ, что приступъ точно долженствовалъ быть 25-го числа и что фельдмаршалъ даже прислалъ Государю сдѣланный имъ для того планъ; сказывалъ также, что, по мнѣнью знающихъ военныхъ, планъ былъ прекрасный; что главнокомандующій, слѣдуя примѣру Суворова, вызывалъ охотниковъ на штурмъ; но тутъ вышло затрудненіе новаго рода: охотниковъ явилось слишкомъ много, и принуждены были велѣть имъ бросить жребій. (...)» ввечеру мнѣ сказали только, что Варшава взята приступомъ и именно въ назначенный фельдмаршаломъ день, 26 Августа (день Бородинской годовщины. — *А. Ф.*), что намъ достались 138 пушекъ и 17,000 пѣльныхъ; что съ извѣстіемъ приѣхалъ молодой князь Александръ Суворовъ, внукъ генералиссимуса. Мысль прислать его съ этою вѣстью истинно умна и прекрасна и дѣлаетъ честь графу Паскевичу: онъ самъ какъ будто связалъ два равно славныя взятія Варшавы“» [Блудова 1874, № 8: стб. 873—875].

В тот момент все участники идейной коллизии — Суворов-внук, тень Суворова-деда, победители и поэты были на одной и той же стороне. В отличие от 1831 г., в 1863 г. Суворов-внук оказался по другую линию фронта. И это особенно сильно чувствовали те, для кого память о 1831 годе также была далеко не пустым звуком. Дистанция между Паскевичем, рыцарственно ведущим на штурм враждебно настроенного города добровольцев, и Муравьевым, который «принял на себя роль тирана и палача из властолюбия и из жадности к наживе» [Долгоруков 1992: 341], колоссальна. «Идеалист» Блудов и его круг должны были бы осуждать его, но весь парадокс в том, что именно сейчас они заинтересованы в сближении с Муравьевым и в превращении «кроваваго виленскаго проконсула» [ГМ 1917: 77] в общественном мнении в фигуру значительную — хотя и спорную. Это связано с той расстановкой политических сил, которая к середине 1863 г. сложилась при императорском дворе.

Как отмечает в своих воспоминаниях фельдмаршал Д. А. Милютин, «М. Н. Муравьев, которого за границей называли то пашой, то свирепым проконсулом или палачом, в действительности понимал вполне, что одними полицейскими и военными строгостями можно только временно подавить вооруженный мятеж и восстановить авторитет власти, но что нужны другие, коренные меры для того, чтобы на будущее время предотвратить возобновление смут. Такими мерами признавал он, в особенности, две: приведение крестьянского населения в такое положение, которое дало бы ему полную самостоятельность и независимость от помещиков, и во-вторых — обрусение верхнего, так называемого интеллигентного слоя населения, усилением числа русских землевладельцев и устранением поляков из состава местной администрации» [Милютин 2003: 323—324]. Парадоксально, но первая из мер абсолютно укладывалась в ту концепцию, которую исповедовали его влиятельнейшие оппоненты при дворе — братья сенатор Н. А. и военный министр Д. А. Милютины, министр внутренних дел П. А. Валуев (кстати, бывший соратник Муравьева, во многом обязанный ему своим выдвижением и продвижением по служебной лестнице), генерал-губернатор Санкт-Петербурга А. А. Суворов-Рымникский, но главное — великий князь Константин Николаевич. Именно брат императора стал неформальным лидером этой группы лиц контролирующих рычаги управления в стране и видевших свою задачу в полном раскрепощении крестьянства при сохранении самодержавного строя. «Без всякого сомнения, русские крестьяне обязаны Константину Николаевичу и своей свободой, и своим земляным наделом. Это великая, бессмертная заслуга его перед Россией и перед человечеством...» [Долгоруков 1992: 347].

Фактически инициативы Муравьева раскололи группу «константиновцев». Братья Милютины, например, увидели в Муравьеве потенци-

ального союзника. Их встречи убедили эту часть «константиновцев» в том, что сейчас Муравьев может превратиться в удобное орудие для проведения реформ в Северо-Западном крае. Известный славянофил, близкий сотрудник Н. А. Милютина князь В. А. Черкасский писал супруге в октябре 1863 г.: «Не могу сказать, чтобы сближение с М. Н. Муравьевым рассеяло или даже хоть сколько-нибудь ослабило мое прежнее мнение об его нравственном характере; но не могу не сказать, что он много выиграл в моих глазах в других отношениях: не говорю о несомненной и огромной услуге, им оказанной России (...) Этого гражданского мужества до него никто из высших наших сановников и увьи! даже слишком многие из нашего земства не имели и, к сожалению, донныне не имеют (...) как местный администратор Литовского края в эту минуту решительной борьбы, или лучше как усмиритель мятежа, он оказался человеком едва ли заменимым, с твердой силой, с ясным умом и знанием дела. Россия должна быть ему благодарна и может многое простить в возмездие за это» (цит. по [Комзолова 2005: 119]).

Постепенно рядом с Константином Николаевичем, чье «отношение (...) к Муравьеву было резко негативное», поскольку «для великого князя был неприемлем его образ действий в Северо-Западном крае» [Комзолова 2005: 116], остались из числа оппонентов Муравьева всего несколько человек — прежде всего, это наместник в Царстве Польском Ф. Ф. Берг и А. А. Суворов. Суворов, пользующийся расположением императора, лично уважаемый за свою честность и свою храбрость, в тот момент, когда его бывшие «однопартийцы» Милютины подписались под адресом Муравьеву, демонстрировал не только личную неприязнь, но и отсутствие возможности компромисса между Муравьевым и Константином Николаевичем — компромисса, к которому умный и сильный политик Муравьев был вынужден стремиться хотя бы для того, чтобы не утратить свое усилившееся влияние на государственный курс.

В этих условиях демарш Суворова воспринимается уже не просто как поступок чудака, совершившего глупость, — как оценивает его в процитированном нами выше письме Ф. И. Тютчев. Демарш Суворова следует воспринимать как акт политической борьбы — и, собственно говоря, именно таким образом и воспринимали его лица посвященные. Ф. И. Тютчев был не просто посвященным, он был активным участником борьбы — как ближайший друг и советник главы внешнеполитического ведомства России князя А. М. Горчакова. Несмотря на то, что сам Горчаков до поры успешно балансировал между противостоявшими лагерями, Тютчев не мог занять нейтральную позицию. По словам язвительного и осведомленного анонима (не был ли им тот же князь

П. В. Долгоруков²), опубликовавшего свой очерк о графине Блудовой за границей России, именно «она (...) заказала стихи, в которых г-н Тютчевъ (внезапно прославившийся, а теперь снова забытый московский Ювеналь) воспѣвалъ „великаго мисіонера“» [ГМ 1917: 77].

Теперь, на наш взгляд, целесообразно перечитать тютчевское стихотворение.

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам — наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские — Европы не спросясь...

Как извинить пред вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему —

Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе —
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе?..

Кто избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим —
На зло врагам, их лжи и озлобленье,
На зло, увы, и пошлостям родным.

Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей —
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей.

[Тютчев 2003, 2: 122]

Нужно отметить несколько тезисов, роднящих позицию автора стихотворения и позицию В. А. Черкасского, изложенную в приведенном выше письме. Во-первых, Тютчев не берется отрицать, что Муравьев — «людоед», как Черкасский вовсе не скрывает, что его мнение о нравственных качествах «виленского проконсула» осталось прежним и после политического примирения. Во-вторых, Тютчев высоко ценит отношение Муравьева к крестьянам Северо-Западного края (Муравьев *бедное, замученное племя*, // *Воздвигнув к жизни, вынес на себе* (...)) — но ведь именно это заставляет и Черкасского, и стоящих за ним Милютиных пересмотреть свое отношение к нему. Наконец, поэт отмечает несомненную, с его точки зрения, смелость Муравьева, отважившегося принять на себя историческую ответственность за разгром восстания в белорусско-литовских губерниях.

Отнюдь не случайно у Тютчева появляется мотив, которого нет и не может быть в письме Черкасского, но который присутствует в мемуарах друго-

го активного участника событий — фельдмаршала Д. А. Милютин. Речь идет о мотиве Европы, у которой русские не спросили разрешения на чествование своего «людоеда». Милютин, для которого вся история с демаршем Суворова и стихотворением Тютчева спустя годы предстает пустяком, едва заслуживающим упоминания, разумеется, много внимания уделяет внешне-политическому контексту «усмирения» восставших губерний. В частности, он цитирует речь императора Франции Наполеона III, произнесенную тем 24 октября (5 ноября по новому стилю) на открытии Законодательного собрания Франции: «(...) коснувшись в умеренных и примирительных выражениях хода дипломатических сношений по польским делам, император французский признал, что „дружественные советы Франции были истолкованы как угрозы“ и потому не только не привели к желанному результату, но еще более ожесточили борьбу. „Что же остается делать?“ — спрашивал себя Наполеон III. „Разве возможны только два выхода: война или молчание?..“ И на эти вопросы отвечал: „Нет, есть средство избежать и войны, и молчания: это — передать польское дело на решение суда Европы. Россия уже объявила, что не сочтет оскорбительной для своего достоинства конференцию, на которой будут разбираться и другие вопросы, волнующие Европу; пусть это заявление послужит к тому, чтобы раз навсегда уничтожить причины несогласий (...) Не настало ли время перестроить на новых началах здание, подкопанное временем и революциями? Не следует ли признать новыми договорами то, что бесповоротно совершилось, и с общего согласия осуществить то, чего требует сохранение общего мира?“ » [Милютин 2003: 316–317]. Фактически император Франции предлагал пересмотреть решения Венского конгресса 1815 г. — старую меттерниховскую систему — и создать взамен нечто более мобильное. Причем «польский вопрос» становился в данном случае ключевым: Россия должна была продемонстрировать на практике, что готова к модернизации европейской системы международных отношений, ценой уступки захваченных еще в XVIII столетии территорий.

В письмах Тютчева — напомним, ближайшего соратника А. М. Горчакова — есть непосредственный отклик на речь Наполеона. В письме дочери Е. Ф. Тютчевой от 26 октября 1863 г. он рассказывает об обеде, который Горчаков дал в честь редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова⁶ — одного из идеологов подавления восстания в Северо-Западном крае, однако вовсе не безоговорочного сторонника «муравьевской системы». (Сам этот обед, скорее всего, стал возможен после особой миссии, осуществленной летом 1863 г. самим Тютчевым, специально ездившим в Москву⁷.) Здесь же Тютчев пересказывает речь Наполеона, которая обсуждалась на обеде: «Событием дня здесь является тронная речь императора Наполеона, краткое содержание которой было передано по телеграфу Будбергом. Выдаю-

щимся местом речи является заявление о том, что трактаты 1815 года больше не существуют, и сделанное вследствие этого предложение о созыве всеобщего конгресса, на котором были бы обсуждены все ожидающие решения вопросы, — комбинация, которая, будучи уже однажды указана самой Россией, может быть ей предложена без опасения ее задеть» [Тютчев 2004, 6: 53]⁸. Но «указать» — еще не означает «осуществить на практике». Империя не могла позволить вмешаться в свои «территориальные проблемы» (следом встала бы и проблема Финляндии, и Кавказа).

Стихотворение Тютчева датировано 8 ноября и может восприниматься как своеобразный неофициальный ответ на речь Наполеона III. Именно таким ответом — на речь Лафайета в 1831 г. — было стихотворение Пушкина «Клеветникам России». Но Пушкин делает адресатом своего стихотворения непосредственно *народных витий* — депутатов Законодательного Собрания Франции. Адресовать резкий ответ венценосцу, да еще и демонстрирующему — пускай всего лишь формально — вполне миролюбивую позицию (тогда как Лафайет призывал к прямой интервенции, чтобы защитить восставших поляков), государственный служащий Тютчев просто не мог. По внешней форме «домашнее», «салонное» стихотворение, адресатом которого является не государственный деятель, а частное лицо Суворов, отвечает, таким образом, на государственный заказ, формируя общественное мнение в соответствии с общей позицией российского правительства. Приблизительно так формулирует «заказ» Тютчев в письме Каткову от 1 ноября 1863 г., написанном, как признается сам поэт, по прямой просьбе Горчакова: «⟨...⟩ кн. Горчаков желал бы очень, чтобы „Московские ведомости“, сохраняя за собою полную свободу суждений и оценки, избегали по возможности все слишком резко враждебное, обличающее решительную непримиримость — или, выражаясь словами князя, чтобы — говоря о Наполеоне с полной свободой, не слишком *дразнили* его» [Тютчев 2004, 6: 55].

Показательно, что Тютчев сам содействует распространению этого стихотворения, отправляя его жене и дочери в письме. «Посылка стихотворения в письме обращает литературное произведение не вовне к анонимному читателю, а к отдельным частным лицам достаточно ограниченного круга — членам семьи и светским знакомым. Эта тенденция — замыкающая, противоположна деятельности Тютчева как публициста» [Юнгрен 2006: 74]. Вместе с тем очевидно, что стихотворение «Его светлости князю А. А. Суворову» распространяется в широкой публике практически мгновенно, так что становится известно и самому адресату. Его реакция также известна: «На это князь А. А. Суворовъ отвѣтилъ, что дѣдъ его никогда бы не скрѣпилъ своей подписью письма, посланнаго М. Н. Муравьеву» (сообщение М. В. Быкова) [РС 1883: 209].

Стихотворение Тютчева не достигло цели — по крайней мере, внутри того узкого круга читателей, кто был прямо или косвенно посвящен в суть дворцовых интриг и политической борьбы. Скорее, оно содействовало росту популярности А. А. Суворова. История появления стихотворения получила широкий резонанс благодаря его первому публикатору — А. И. Герцену. Разумеется, Герцена волнует не Суворов и даже не Тютчев. Одна из главных мишеней лондонского изгнанника в этот период, конечно, Муравьев. Отношение к его личности становится для Герцена «лакмусовой бумажкой»: «Говорят, что кн. Суворов отказался от поклона Муравьеву и назвал его людоедом. „Московский Ювенал“ взял свою цевницу и так защитил человека литовской бойни (...) <далее публиковался текст стихотворения Тютчева. — А. Ф.>. Куда девался некогда изящный стих Тютчева? Куда девался талант?» [Герцен 1959: 19].

Стихотворение Тютчева датировано 12 ноября 1863 г. Оно опубликовано в «Колоколе» 1 января 1864 г. Очевидно, что практически немедленно после того, как текст послания Суворову распространился сколько-нибудь широко, один из корреспондентов Герцена доставил его в Лондон. Герцена мало интересует внутренняя расстановка сил в императорском окружении, как и внешнеполитический контекст происходящего. Муравьев — «человек литовской бойни». Карфаген должен быть разрушен. «Литовский проконсул» должен сойти с политической арены. А заодно и те, кто его воспевают.

Ответная фраза А. А. Суворова стала более действенным аргументом, нежели стихотворение гениального поэта: он является единственным наследником славы великого генералиссимуса, и Тютчев, попытавшийся с ласковой учительской интонацией противопоставить внука деду, оказывается в весьма неловкой ситуации. Повторно разъяснять свою точку зрения — значит оправдываться. Но формально стихотворное послание является фактом кружковым, почти домашним, а оправдание будет демонстрировать то скрытое значение, которое придавалось ему кружком Блудовой и, не исключено, Горчаковым. Реплику в заочном споре должен был сказать кто-то другой, не Тютчев.

Этим «другим» стал князь П. А. Вяземский. В отличие от стихотворений Пушкина и Тютчева, его произведение не слишком известно, поэтому мы считаем возможным републиковать текст Вяземского целиком.

Да князь! поэтъ правъ: вѣрно⁹ вашимъ дѣдомъ
 Было-бы скрѣплено письмо друзей къ тому,
 Котораго вы, князь, честите людоедомъ
 За то, что онъ казнилъ по долгу своему.

Какъ вы, онъ не искалъ въ народѣ популярность,
 Нежданная она пришла къ нему;
 Слыветъ онъ извергомъ, однакоже гуманность,
 Гдѣ можно допустить, доступна и ему.

Онъ жертвовалъ собой въ минуту, гдѣ Россія
 Потрясена была злодѣйствами враговъ;
 Онъ подавилъ мятежь; дѣла его благія.
 Дай Богъ побольше намъ такихъ, какъ онъ, головъ!

Не много толку въ томъ, кто вмѣстѣ съ крикунами
 Готовъ порочить всѣхъ, лишь болтовней пустой;
 Кричать не мудрено, а мудрено дѣлами
 Такъ править хорошо, какъ Муравьевъ — Литвой.

Какъ вѣрный русскій, самъ онъ дѣйствовалъ съ отвагой;
 Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Русь вся за него;
 Хотя теперь перомъ дрался онъ, а не шпагой,
 Но имя на Руси прославилось его.

И такъ, гуманный князь, отдайте справедливость
 Тому, кто заслужилъ сочувствіе сердець,
 Иль вы не русскій, князь! Его неустрашимость
 Приобрѣла ему безсмертія вѣнецъ!

Что дѣдъ вашъ, князь, сказали: ужель вамъ не извѣстно?
 Когда сражался самъ онъ противъ поляковъ,
 Онъ Прагу бралъ тогда, напомнить здѣсь умѣстно
 Слова Великаго..... какъ нашихъ зналъ враговъ!

Къ солдатамъ обратясь, онъ крикнулъ громогласно:
 «Нещадно рѣжьте ихъ и рѣжьте ихъ дѣтей,
 И знайте, что вашъ штыкъ заколетъ не напрасно:
 Вы жизнь спасаете тѣмъ вашихъ же дѣтей!»

Вотъ чтò сказали вашъ дѣдъ, кто этихъ словъ не знаетъ?
 Онъ русскій былъ и съ русскою душой;
 Кто Муравьеву врагъ, его кто порицаеть,
 Россіи тотъ не сынъ и русскому чужой.

[РС 1883: 209—210]

Это удивительно резкое, почти хамское по отношению к генерал-губернатору Санкт-Петербурга стихотворение уже никак не связано ни с речью императора Франции, ни с проблемой освобождения крестьян. Но это и не нападение — это, скорее, защита. Причем аргументы Вяземского также весьма показательны: он защищает Муравьева, уже не отрицая «палаческий» характер его заслуг, но гордясь ими и откровенно перетягивая тень А. В. Суворова на сторону Муравьева. Причем не без оснований: именно так, палачом, воспринимали тогдашнего генерал-аншефа современники на Западе. «Английская и особенно французская печать того времени тенденциозно описывали штурм Праги (...) как невиданный пример варварства и насилия над беззащитным населением» [Лопатин 1986: 666]. Широкое распространение в конце XVIII в. получила гравюра, на которой «изображен Суворов, подносящий Екатерине II отрубленные головы польских женщин и детей „после

капитуляции Варшавы» [Долинин 2007: 183]. Подобную же аргументацию — только апеллируя к западному «опыту» — использует в своих воспоминаниях и графиня А. Д. Блудова: «Алжирские генералы, какъ Pelissier, такъ и Vigeaud, кажется, упражнялись охотно въ поджогахъ и выкурени дымомъ непріятеля <...> Также съ „дымомъ пожаровъ“ шель впередь Vigeaud, преслѣдуя по своимъ инструкціямъ болѣе герцогиню Беррійскую лично, нежели вооруженныхъ крестьянъ, которыхъ разорялъ и сожигалъ, гдѣ только могъ. Оно, можетъ быть, и неизбѣжно въ этомъ родѣ партизанской войны; но тогда за чѣмъ же негодовать на Бакланова за рапортъ: „аулъ истребленъ“, или на Муравьева, который нигдѣ не поджигалъ и не истреблялъ, а только вырубалъ лѣса, гдѣ скрывались шайки, и казнилъ поджигателей и вѣшателей крестьянъ своихъ?» [Блудова 1874, № 7: стб. 749].

Хотя под текстом Вяземского не выставлена дата, осмелимся предположить, что оно появилось не без оглядки на публикацию в «Колоколе». Петербургские либералы-«константиновцы» реагировали на статьи Герцена с сочувствием. Кроме того, «в декабре 1863 г. близкий к придворным кругам граф Д. К. Нессельроде сообщал великому князю Константину Николаевичу, что „начинается уже в Питере реакция против Муравьева в лице разоренных помещиков <...> но что эта реакция еще слаба и не смела“. Поддерживал эту „реакцию“ и <...> князь А. А. Суворов, о чем свидетельствует его особая записка шефу жандармов князю В. А. Долгорукову, составленная, вероятно, в 1864 г.» [Комзолова 2005: 134–135].

Противостояние «либералов» и «муравьевцев» будет продолжаться и после смерти бывшего виленского генерал-губернатора. Попытка реабилитировать М. Н. Муравьева в общественном мнении уже в конце XIX в. понуждает вспомнить еще одного русского поэта — Н. А. Некрасова, которому безосновательно будет приписано стихотворение виленского чиновника И. А. Никотина «Бокал заздравный поднимая...»¹⁰. Но это — уже совсем другой сюжет в истории русской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Оригинал по-французски: «Tu sais que pour le St-Michel nous avons envoyé à Mouravieff un haut-relief en vermeil représent(ant) son patron — accompagné d'une adresse, signée de 80 noms, au nombre desquels se trouvent les Bloudoff, la Comtesse Protassoff, sa sœur la Dolgorouky, etc. etc., en un mot des noms très bien portés. Or il faut que tu saches que le Prince S(ouvoroff), qui est assurément une bonne pâte d'homme, mais absurde, s'est depuis longtemps déclaré l'adversaire acharné de M(ouravieff) et ne laisse échapper aucune occasion de déblatérer. Aussi n'a-t-il pas manqué de déclarer qu'il rompait tout commerce avec les personnes qui ont eu l'indignité de signer la dite lettre. Il a, il est vrai, le privilège de pareilles incartades. Mais comme cette fois-ci il y a en jeu un intérêt public d'une incontestable gravité, l'incartade a été relevée — et lui a valu les rimes que tu vas lire» [Тютчев 2004, 6: 59].

- ² Оригинал по-французски.
- ³ См. исследование А. А. Комзоловой [2005].
- ⁴ Подробно о «суворовских» сюжетах в творчестве Пушкина см. [Березкина 2007].
- ⁵ Здесь и далее имеется в виду Прага — предместье Варшавы.
- ⁶ Катков, по свидетельству хорошо осведомленного Н. С. Лескова, «еще бóльшую, едва ли не всемирную, славу стяжал в 1863 г. писаниями по польскому делу, посадивши в Вильну Муравьева и руководя передовицами из московского кабинета в многострадальной Литве и Польше, вызывая (...) ярый восторг политических кликуш в стиле Антонины Блудовой (...)» [Лесков 1934: 895]. На наш взгляд, это косвенное признание той большой роли, которую играла А. Д. Блудова в антипольской идеологической кампании.
- ⁷ Ср.: «Тревожным летом 1863 года, когда полным ходом уже шла дипломатическая война между Российской империей и Европой, Тютчев появился в Москве. Правительство не исключало вероятность военного столкновения с европейской коалицией, и Федор Иванович должен был осуществить зондаж общественного мнения и установить личный контакт с издателями наиболее авторитетных московских газет (...) Хотя с самого начала (...) (он) скептически оценивал перспективы своей миссии, приезд Тютчева в первопрестольную столицу был санкционирован министром иностранных дел» [Экштут 2003: 249].
- ⁸ Оригинал по-французски [см. Тютчев 2004, 6: 52].
- ⁹ В источнике с нарушением размера: *навѣрно*.
- ¹⁰ Воспоминания И. А. Никотина были опубликованы в начале XX в., однако даже прямое указание мемуариста на его авторство не останавливает некоторых исследователей либо от включения стихотворения Никотина в дубильный корпус сочинений Некрасова, либо от предположения о существовании еще какого-то, якобы утерянного некрасовского текста. Осмелимся высказать гипотезу о том, что в сознании людей 1890-х годов, когда начала распространяться легенда о «муравьевской оде» Некрасова, просто произошла аберрация: под «муравьевской одой», скорее всего, следует понимать широко известное стихотворение поэта «О. И. Комиссарову», посвященное спасителю императора Александра II от пули Д. В. Каракозова. Муравьев же, как известно, руководил следственной комиссией по делу Каракозова, отчего совмещение двух тем в принципе стало возможным.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аксаков, И. С.: 2001, 'Письма И. С. Аксакова к А. Д. Блудовой', Публикация В. Г. Бухерта, *Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Новая серия*, Москва, 337—349.
- Беляев, М. Д.: 1927, 'Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово', *Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832*, Ленинград, 257—300.
- Березкина, С. В.: 2007, 'Суворовская военная кампания 1794 года в творческих откликах Пушкина', *Русская литература*, № 2, 21—41.
- Блудова, А. Д.: 1874, 'Воспоминания графини А. Д. Блудовой. Гл. V-я: 1831 год. I: Польский мятеж', *Русский Архив*, № 3, стб. 713—761; № 4, стб. 833—883.
- Герцен, А. И.: 1959, *Собрание сочинений: В 30 т.*, Москва, т. XVIII: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1864—1865 годов.

- ГМ 1917 — 'Графиня Антонина Блудова (К характеристике двора 60-х гг.)', Перевод П. Степановой, *Голос Минувшего*, 1917, № 5/6, 73—80.
- Долгих, Е. В.: 2006, *К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов*, Москва.
- Долгоруков, П. В.: 1992, 'Михаил Николаевич Муравьев. Биографический очерк', П. В. Долгоруков, *Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860—1867*, Москва.
- Долинин, А.: 2007, *Пушкин и Англия: Цикл статей*, Москва (= Новое литературное обозрение. Научное приложение; Вып. LXIV).
- Жуковский, В. А.: 2000, *Полное собрание сочинений и писем*, Москва, т. 2: Стихотворения 1815—1852 годов.
- Комзолова, А. А.: 2005, *Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ*, Москва.
- Лесков, Н. С.: 1934, 'На смерть М. Н. Каткова', *Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века*, Москва—Ленинград, [т.] III/IV, 894—902.
- Лопатин, В. С.: 1986, 'Примечания', А. В. Суворов, *Письма*, Москва, 476—768.
- Милютин, Д. А.: 2003, *Воспоминания. 1863—1864*, Москва.
- Пушкин: 1948, *Полное собрание сочинений*, [Москва—Ленинград], т. 3: Стихотворения. 1826—1836; Сказки, кн. 1.
- Пушкин, А. С.: 1978, *Полное собрание сочинений: В 10 т.*, Издание 4-е, Ленинград, т. 8: Автобиографическая и историческая проза; История Пугачева; Записки Моро де Бразе.
- РС 1883 — 'Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский. Стихотворения, рассказы и очерки к его характеристике', *Русская Старина*, 1883, т. XXXVIII, № 4, 207—230.
- Семевский, В. И.: 1913, 'Письма М. Н. Муравьева к А. А. Зеленому. 1863—1864', *Голос Минувшего*, № 9, 240—264. Подпись: В. С.
- Смирнова-Россет, А. О.: 1989, *Дневник; Воспоминания*, Издание подготовила С. В. Житомирская, Москва.
- Снегирев, И. М.: 1905, 'Дневник Ивана Михайловича Снегирева. 1863-й год', *Русский Архив*, № 3, 487—504.
- Тютчев, Ф. И.: 2003—2004, *Полное собрание сочинений и письма: В 6 т.*, Москва 2003, т. 2; 2004, т. 6.
- Тютчева, А. Ф.: 1994, 'Письма А. Ф. Тютчевой к князю П. А. Вяземскому', Перевод с французского и публикация Н. В. Снытко, *Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.*, Москва, [т.] V, 107—122.
- Тютчева, А. Ф.: 2002, *Воспоминания*, Москва.
- Экштут, С. А.: 2003, *Тютчев. Тайный советник и камергер*, Москва.
- Юнгрен, А.: 2006, *Поэзия Тютчева и салонная культура XIX века*, Москва.